На правах рукописи

Сирюкин Иван Витальевич

Наскальное искусство Минусинской котловины в Новое время

5.6.3. Археология

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Кемерово-2026

Работа выполнена в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Кемеровский государственный университет»

Научный руководитель: доктор исторических наук, доцент **Советова Ольга Сергеевна**

Официальные оппоненты:
Недашковский Леонард Федорович, доктор исторических наук, доцент, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет», кафедра археологии и этнологии, профессор
Черемисин Дмитрий Владимирович, кандидат исторических наук, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, отдел археологии палеометалла, старший научный сотрудник

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки **Институт истории материальной культуры Российской академии наук**

Защита состоится « 9 » апреля 2026 г. в 14-30 час. на заседании диссертационного совета 24.2.315.02 (Д 212.088.08), созданного на базе федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Кемеровский государственный университет» (650000, Кемерово, ул. Красная, 6)

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте Кемеровского государственного университета https://kemsu.ru/science/dissertation-councils/diss-212-088-08/protects/121427/

Автореферат разослан «_____» _____ 2026 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета Ермоленко Любовь Николаевна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Минусинская котловина чрезвычайно богата памятниками наскального искусства. Само понятие «наскальное искусство» – это особая группа изобразительных памятников, включающих рисунки на скалах, камнях курганных конструкций, на больших и малых каменных плитах, извлеченных из погребений или на отдельных плитках со склонов гор и др. Изображения на протяжении сотен лет были связаны с ритуальной и повседневной жизнью местного населения: возле скал проходили сезонные праздники, погребальные и поминальные обряды, сопровождавшиеся нанесением рисунков на каменные поверхности.

В настоящей диссертации рассмотрены материалы памятников, сосредоточенных в Минусинской котловине в месте слияния рек Енисея и Тубы, относящихся к конкретной исторической эпохе – Новому времени. В исторической литературе под «Новым временем» принято понимать продолжительный период между Средневековьем и Новейшим временем. Вопрос о хронологических рамках Нового времени до сих пор остается дискуссионным, но в основном его ограничивают XVII – началом XX в. [Гросул, 2009, с. 60; Крылов, 2020, с. 76; и др.].

Пожалуй, первоначально исследовательский интерес вызывали самые древние (IV–III тыс. до н. э.) пласты рисунков, но постепенно стали атрибутироваться и другие хронологические группы. В качестве одного из методических приемов хронологической атрибуции петроглифов Б. Н. Пяткиным было предложено вычленение рисунков известных хронологических пластов из всей совокупности выявленных петроглифов: сужая ее, атрибутировать «оставшиеся» рисунки. К настоящему времени это вполне возможно применительно к нашему случаю, поскольку уже довольно тщательно изучены изображения от самых ранних до средневековых. После выхода книги Л. Р. Кызласова и Н. В. Леонтьева «Народные рисунки хакасов» [1980] с разносторонней оценкой

этнографических рисунков, накопленных к 1970 годам, прошло около полувека. За это время был существенно пополнен корпус рисунков Нового времени, дополнился перечень признаков для хронологической атрибуции этой группы изображений, открыты новые сцены, причем не только на скалах и на отдельных плитках, но и на камнях конструкций тагарских курганов – все это позволяет по-новому оценить этот пласт петроглифов. Изображения рассматриваемого периода отличаются собственным изобразительным языком и своеобразной манерой, они отражают предметы и образы, окружающие их создателей и сформированные воображением.

Таким образом, актуальность данного исследования обусловлена необходимостью всестороннего анализа накопленного материала и презентации оригинального пласта изображений, характеризующих финальный этап изобразительной традиции, существовавшей в регионе на протяжении веков.

Объект исследования: наскальное искусство Минусинской котловины.

Предмет исследования: рисунки Нового времени (XVII – начало XX в.).

Цель исследования: на основе анализа петроглифов Минусинской котловины (главным образом Тепсейского петроглифического микрорайона, но особенно опорных памятников Тепсей/Усть-Туба), вычленить пласт изображений, созданных в Новое время, выявить их характерные особенности и своеобразие, а также в целом охарактеризовать финальный этап изобразительной традиции, существовавшей в регионе по меньшей мере с IV–III тыс. до н. э. и завершившейся к началу XX в.

В соответствии с целью поставлены следующие **задачи**:

1. На основе признаков, выявленных предшественниками, дополненных и обобщенных автором настоящего исследования, атрибутировать наскальные рисунки Нового времени Минусинской котловины на примере материалов Тепсейского археологического микрорайона с привлечением аналогий. При этом использовать архивные и

опубликованные материалы, а также самостоятельно изученные автором диссертации.

2. Проанализировать выявленный пласт наскальных рисунков Нового времени, выделить в нем и охарактеризовать отдельные стилистические группы изображений.

3. Охарактеризовать основные воззрения местного населения, связанные с культом гор, и дополнить их новыми сведениями о скальных захоронениях.

4. Выделить и проанализировать сюжеты, отражающие религиозные и бытовые особенности жизни местного населения, отображенные в наскальном искусстве Нового времени, предложить авторскую интерпретацию некоторых из них.

Хронологические рамки исследования – XVII – начало XX в.

Первыми пласт рисунков Нового времени выделили Л. Р. Кызласов и Н. В. Леонтьев [1980, с. 21–31], опираясь на изображения тамг, некоторые из которых были буквенными, что позволило соотнести их со временем распространения среди хакасов русского языка. Рядом с тамгами нередко выбивались даты и изображались новые бытовые реалии (двухэтажные здания и церкви и др.), что позволило соотнести нижнюю границу с XVII в., когда начались проникновение и закрепление на этих территориях русского населения, и деятельность духовных миссий.

Верхняя граница – начало XX в. – обусловлена установлением новой (советской) власти и изменений, происходивших в быту и мировоззрении местного населения. К этому времени традиция нанесения рисунков на скалы практически полностью угасает.

Территориальные рамки. В диссертации используется несколько территориально обусловленных понятий: «Минусинская котловина», «Тепсейский петроглифический микрорайон», «Тепсейский археологический микрорайон». В широком смысле понятие «Минусинская котловина» подразумевает территорию южной части Минусинской

впадины, расположенной между горными системами Южной Сибири: Кузнецким Алатау на севере, Восточным и Западным Саянами на юге. Здесь, в бассейне Среднего Енисея представлены многочисленные памятники наскального искусства с уникальными изображениями, отражающими культуру и мировоззрение древних народов от неолита (?) до Нового времени. Рисунки с многих памятников Минусинской котловины использованы в исследовании.

Опорными источниками стали рисунки «Тепсейского археологического микрорайона» (площадью около 56 кв. км), включающего 17 отдельных местонахождений, изображения на курганных плитах могильников, расположенных у горы Тепсей и в Малиновом логу [Советова, Аболонкова, 2013; Советова, Шишкина, 2014; Шишкина и др., 2024, рис. 3, 4]. В Тепсейском археологическом микрорайоне сосредоточены различные археологические памятники: поселения, могильники, поминальники, а также курганные камни, отдельные плиты с рисунками и т. д., позволяющие соотносить серии рисунков с конкретными культурами. Наскальные изображения выявлены в Волчьем логу, на горах Тепсей, Кременная, Челпан, на внутренних грядах Широкого и Забочинского логов.

Основные **источники** для написания диссертации:

1. Фотографии, микалентные копии и оригинальные каменные плитки с петроглифами, полученные в процессе экспедиционных работ Петроглифическим отрядом Южносибирской археологической экспедиции кафедры археологии КемГУ под руководством Б. Н. Пяткина в 1978–1984 гг., изученные автором диссертации в музее «Археология, этнография и экология Южной Сибири» КемГУ [НА КМАЭЭ КемГУ, ОФ 35, ОФ 36, ОФ 38, ОФ 39; ОФ 43; ОФ 45; ОФ 48]. К этому же блоку материалов относятся микалентные копии и прорисовки художника В. Ф. Капелько, работавшего в составе отряда Б. Н. Пяткина в 1978–1980 гг. на памятниках Оглахты, Суханиха, Тепсей.

2. Фотоархив Я. А Шера, включающий фотографии рисунков Тепсея, Усть-Тубы. Снимки относятся к 1960-м гг. [Фотоархив КМАЭЭ КемГУ, №№ 2–4].

3. Плиты с этнографическими рисунками из экспозиции музея «Археология, этнография и экология Южной Сибири».

4. Материалы Тепсейского отряда кафедры археологии под руководством О. С. Советовой (2012–2025 гг.), полученные при участии автора диссертации. Среди материалов – микалентные копии; копии на прозрачной пленке; эстампажи; фотографии И. В. Аболонковой, А. К. Солодейникова, П. Е. Коренькова, О. С. Советовой, О. О. Шишкиной; прорисовки наскальных изображений; GPS-координаты; 3D-модели изображений, выполненные специалистами лаборатории RSSDA (г. Москва), под руководством Ю. М. Свойского в 2020–2024 гг.

5. Материалы из музейных коллекций «Хакасского национального краеведческого музея имени Л. Р. Кызласова», включающие эстампажи, предметы конской упряжи, диапозитивы, каменные плиты с рисунками из экспозиции [ХНКМ КП-2990; ХНКМ КП-2999; ХНКМ КП-4656/27; ХНКМ КП-5126/3; ХНКМ КП-5477/17; ХНКМ КП-5841/7; ХНКМ КП-6693; ХНКМ КП-7011; ХНКМ КП-7095; ХНКМ КП-7910; ХНКМ КП-10503/1; ХНКМ КП-10693/9; ХНКМ КП-10693/10; ХНКМ КП-10693/12; ХНКМ КП-11568/1].

6. Материалы из фондов «Минусинского регионального краеведческого музея им. Н.М. Мартьянова», опубликованные на сайте Госкаталог.рф [МКМ ОФ-553; МКМ ОФ-637; МКМ ОФ-1719/2; МКМ ОФ-2094; МКМ ОФ-2096; МКМ ОФ-3121; МКМ ОФ-3136; МКМ ОФ-7188/32; МКМ Нст ОФ-2246; МКМ Нст ОФ-2247; МКМ Нст ОФ 5946, МКМ Нст ОФ 5948, МКМ Нст ОФ 5955].

7. Материалы из фондов «Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук», опубликованные на сайте Госкаталог.рф [МАЭ И 141-60; МАЭ И 141-61;

МАЭ И 141-71; МАЭ И 141-78; МАЭ И 141-79; МАЭ И 141-81; МАЭ И 141-86; МАЭ И 141-107].

8. Материалы из фондов «Красноярского краевого краеведческого музея», опубликованные на сайте Госкаталог.рф [КККМ Э 1515/14; КККМ ОФ 11923/221; КККМ ОФ 11926/234; КККМ ОФ 11926/254; КККМ НЕГ 7199].

9. Материалы из фондов «Кузбасского музея-заповедника «Томская Писаница», опубликованные на сайте Госкаталог.рф [МЗТП КПОФ 7379; МЗТП КПОФ 7396].

10. Материалы «Российского этнографического музея», опубликованные на сайте Госкаталог.рф [РЭМ 8762-18763/1; РЭМ 8762-18763/2; РЭМ 664-145/1; РЭМ 664-145/2; РЭМ 8394-7; РЭМ 8299-1; РЭМ 8299-2; РЭМ 8299-3].

11. Информация из отчетов, полевых дневников экспедиций различных исследователей: А. В. Адрианова [1904; 1908]; А. А. Адрианова [1910], М. П. Грязнова [1963], Л. Р. Кызласова [1960; 1963; 1970; 1971], Р. В. Николаева [1955], Я. А. Шера [1966; 1968; 1969; 1970], хранящихся в ИА РАН (Ф. 1; 12), Институте истории материальной культуры РАН (Ф. 35, 60, 91), Красноярском краевом краеведческом музее (НА КККМ Д. 63).

12. Опубликованные копии, фотографии и прорисовки петроглифов с памятников наскального искусства Южной Сибири и Казахстана [Окладников, Запорожская, 1959; Окладников, 1969; 1974; Кызласов, Леонтьев, 1980; Дэвлет, 1980; 2012; Окладникова, 1988; 1989; Кубарев, Маточкин, 1992; Черемисин, 1993; 2004; 2008; 2011; Пяткин, Советова, Миклашевич, 1995; Самашев, 1993; 1998; 2006; Самашев и др., 2007; Самашев и др., 2011; Кубарев, 1999; 2001а; 2001б; 2005; 2009; 2010; Sher et al, 1994; Blednova et al., 1995; Kubarev, Jacobson, 1996; Байпаков и др., 2005; Байпаков и др., 2011; Мартынов, 2006; Советова, Миклашевич, 1999; Миклашевич, 2000; 2006; 2013; 2014б; 2015; 2017а; 2019; Заика, Кузнецов, 2008; Рогожинский, 2011; 2019; Рогожинский,

Новоженов, 2018; Леонтьев, Панкова, 2012; Заика, 2003; 2006; 2007; 2013; 2014; 2018; Есин, 2015; 2017; 2018; Заика и др., 2018; Ладыгина, 2013; 2014; Советова и др., 2021; Русакова, 2021; 2022; 2023; Советова, Сирюкин, 2023; Советова и др., 2023; Сирюкин, 2024а; 2024б; Заика, Сирюкин, 2024; Советова и др. 2023; Советова, Шишкина, 2025, с. 152–165; и др.].

13. Изобразительные материалы по этнографии народов Южной Сибири из публикаций Л. Я. Штернберга [1936], Н. П. Дыренковой [2012], Л. П. Потапова [1946], В. П. Дьяконовой [1975], С. В. Иванова [1954; 1955; 1970; 1979], В. Я. Бутанаева [1999; 2003 и др.], В. А. Бурнакова [2006; 2012; 2024], Ю. Г. Кустовой [2018]; и др.

Степень изученности проблемы. Петроглифы Нового времени на территории Южной Сибири и сопредельных регионов привлекали внимание исследователей преимущественно в рамках общих работ по наскальному искусству. Их изучение носило фрагментарный характер и редко становилось самостоятельным объектом анализа. Ключевую роль в осмыслении этнографических петроглифов сыграли труды Л. Р. Кызласова и Н. В. Леонтьева, в которых были сформулированы основные принципы вычленения рисунков Нового времени, рассмотрены их семантика и этническая принадлежность. Важные обобщения по стилистике и сюжетам поздних изображений были сделаны М. А. Дэвлет, отметившей формирование в XVII–XIX вв. устойчивого круга образов, связанных с бытом, верованиями и историческими реалиями коренных народов Сибири. Значительный вклад в выявление и первичную характеристику петроглифов Нового времени внес А. П. Окладников, выделивший «поздние» рисунки в Ангаро-Ленском, Байкальском и Алтайском регионах. В дальнейшем этнографические петроглифы Алтая и Тувы изучались Е. А. Окладниковой, В. Д. Кубаревым, Д. В. Черемисиным, Е. А. Миклашевич и др. Исследователями были зафиксированы сцены охоты, шаманских практик, изображения всадников, фигур в национальных

костюмах, а также отмечены характерные признаки поздних гравировок: слабая патина, техника резьбы и гравировки, стремление к детализации и индивидуализации образов.

В сопредельных регионах Центральной Азии, прежде всего в Казахстане, петроглифы Нового времени представлены широко. Они изучались А. Г. Медоевым, З. С. Самашевым, А. Е. Рогожинским и другими исследователями. Для этих памятников характерны сцены охоты и сражений с применением огнестрельного оружия, изображения конных воинов, тамгообразные знаки, предметы быта и ритуальные мотивы, что позволяет проводить сопоставления с материалами Южной Сибири.

В целом, несмотря на накопленный фактический материал, петроглифы Нового времени до настоящего времени остаются наименее систематизированным хронологическим пластом наскального искусства.

Методологическую основу исследования составляют принципы историзма, объективности и системности. В соответствии с принципом историзма памятники наскального искусства рассматривались в культурно-хронологическом контексте, а принцип объективности обеспечил анализ источников и историографии, включая дискуссионные вопросы атрибуции петроглифов. Выводы основаны на комплексном и системном подходе к археологическим и изобразительным материалам.

В работе использовались общенаучные методы (анализ и синтез, индукция и дедукция), а также специальные исторические методы. Сравнительно-исторический метод применялся для выявления общих закономерностей развития наскального искусства Южной Сибири, типологический – для классификации петроглифов по изобразительным и семантическим признакам, археолого-этнографические аналогии – для интерпретации их роли в культуре коренного населения. В процессе полевых работ применялись методы ГИС-технологий, позволившие проанализировать ландшафт и соотнести рисунки с отдельными участками Тепсейского археологического микрорайона; благодаря программе Gaia

GPS удалось зафиксировать координаты плоскостей с петроглифами с точностью до 1–2 м. На стадии лабораторной обработки материалов использовались графические редакторы Adobe Photoshop, Corel Draw (для создания прорисовок), Illustrator, Figma (подготовка таблиц). Специалистами лаборатории RSSDA (г. Москва) созданы 3D-модели ряда изображений Тепсейского археологического микрорайона.

Научная новизна исследования:

1. На основе комплекса источников, включающих архивные, музейные, опубликованные и оригинальные полевые материалы, была проведена атрибуция петроглифов Минусинской котловины, характерных для Нового времени, с использованием дополненного автором диссертации набора основных признаков этой хронологической группы изображений, ранее выделенных предшественниками, и таким образом датировано более 2000 рисунков (одиночных или включенных в многофигурные сцены) из числа разновременных петроглифов Оглахты, Тепсея, Усть-Тубы, Моисеихи, Куни, Суханихи, Шалаболинской писаницы и др. памятников. Таким образом уточнены и расширены научные представления о малоизученном финальном этапе изобразительной традиции, существовавшей в наскальном искусстве Минусинской котловины на протяжении тысячелетий (с IV–III тыс. до н. э. до начала XX в.) и сделан вывод о том, что в противоположность мифологической традиции древних эпох, когда рисунки воспроизводились, скорее всего, ограниченным кругом «избранных», нанесение изображений в Новое время стало занятием общедоступным.

2. В хронологическом пласте этнографических рисунков выявлен и охарактеризован основной набор зооморфных образов и определено, что самыми популярными в Новое время на памятниках наскального искусства Минусинской котловины, как и на всей обширной территории Евразии, были изображения коней. Выявлены сцены с собаками с характерными закрученными хвостами, анализу которых практически не уделялось

прежде внимания. Выделены четыре основные стилистические группы зооморфных изображений, отличающихся самобытным набором признаков. Среди антропоморфных персонажей особую популярность приобрели изображения всадников на конях (сидящих или стоящих на их спинах) и шаманы, а среди новых сюжетов – семейные пары (иногда с детьми); новые разновидности тамг; уникальные сюжеты, в том числе с «культурным героем» (возможно, связанным с местными эпическими сказаниями), противостоящим враждебным существам (персонажу с двумя собачьими головами, человечкам с округлыми животами и растопыренными пальцами рук); сцены с деревьями; орнаменты; пароход и др., значительно расширившие репертуар наскального искусства Минусинской котловины.

3. Впервые для анализа были использованы не только рисунки на скалах и отдельных плитках песчаника, но и петроглифы, нанесенные на плиты оград тагарских курганов, а также оказавшиеся в конструкции «обо». Чаще всего на плиты курганов в Новое время наносились разнообразные тамги, из фигуративных изображений – животные, видовое определение которых нередко затруднено, а также простые антропоморфные фигурки. Редко встречаются сцены с деревьями, особыми конями и некоторые другие.

4. Анализ техники нанесения рисунков, характерной для Нового времени, позволил выявить использование разнообразных приемов и отметить, что сохранившимся на протяжении многих веков остается прием выполнения изображений резными линиями; техника пикетажа отличалась большим разнообразием – от поверхностной, редкой или плотной до выполненной глубокими выбоинами, нередко грубо, без особой тщательности, что зависело, прежде всего, от использовавшихся инструментов – каменных или металлических, в том числе железных. Разнообразие технологических приемов, характерных для каждой из выделенных четырех стилистических групп зооморфных изображений, не

может объясняться хронологическими факторами, скорее всего, все они создавались на всем протяжении Нового времени и были связаны главным образом с творческими навыками их создателей.

5. Наскальное искусство XVII – начала XX в. оценивается в исследовании не просто как отдельный вид искусства коренного населения рассматриваемой территории в Новое время, но и как самостоятельное явление народного творчества, как культурно-историческая ценность народов России.

Практическая значимость исследования заключается в расширении источниковой базы изобразительных памятников, введении в научный оборот новых, ранее не опубликованных изображений. Фотографии и микалентные копии рисунков Нового времени могут быть использованы при организации музейных выставок. Результаты могут применяться при разработке учебных пособий и лекций для студентов исторических отделений, направлений «Туризм» и «Музеология»; для создания Каталога петроглифов Нового времени Хакасии и юга Красноярского края, а также сопредельных территорий.

Положения, выносимые на защиту:

1. На основе анализа представительной группы новых и полученных из публикаций петроглифов Нового времени, определено, что традиция нанесения изображений на скалы и отдельные плиты, появившаяся в Минусинской котловине еще в IV–III тыс. до н.э., прошедшая в своем развитии несколько этапов, маркерами которых являются «минусинский» и «ангарский» стили, окуневская и карасукская изобразительные традиции; тагарское, посттагарское, таштыкское и средневековое искусство, с XVII и до начала XX в. переживает финальный этап, характеризующийся определенным своеобразием в стилистическом отношении, и представляющий отдельную сферу изобразительной деятельности населения, проживавшего в этом регионе в рассматриваемое время. Это явление можно оценивать как общее для народов всей Центральной Азии,

когда наскальное искусство, превратившись в «народное», переживает упрощение и окончательное угасание. Рисунки Новейшего времени уже не имеют ничего общего ни с древней, ни со средневековой, ни с изобразительной традицией Нового времени.

2. Стилистический анализ изученного материала позволил выявить по меньшей мере четыре самостоятельные стилистические группы изображений: 1) условно реалистические (гравированные и выбитые); 2) «вычурные» (фигуры с нарушенными пропорциями, но выбитые аккуратным пикетажем или прорезанные тонкими линиями); 3) «нехудожественные» (маловыразительные) изображения, выполненные, как правило, грубыми орудиями, видовое определение фигур животных часто затруднено; 4) группа рисунков, для которой характерно максимальное «упрощение»: они выделяются среди остальных простотой, чаще всего с нарушением пропорций, а определение их видовой принадлежности невозможно в связи с отсутствием диагностирующих признаков.

3. В наскальном искусстве Нового времени отображены разные стороны жизни местного населения, жившего на рассматриваемой территории до контактов с пришлым русским населением и деятельностью духовных миссий.

Петроглифы Нового времени сохраняют традиции прошлых эпох, продолжая создавать излюбленные сюжеты охоты, перекочевок, композиции с героями, сражающимися с врагами, и т. д., но и привносят в наскальное искусство новые темы, в частности, тему семьи (пары, взявшиеся за руки, беременные женщины, родители с детьми); сцены с женскими образами (имеются случаи отображения лиц с этническими чертами; «модниц» в одеждах и в обуви на каблуках, в национальных одеждах и т. д.); с собаками с закрученными хвостами, сопровождающими хозяина, либо участвующими в охоте; сцены с деревьями; и др.

4. Взаимосвязь наскальных рисунков и местных ритуальных традиций особенно проявляется в культе гор, который был широко распространен у местного населения. Особенный статус горы Тепсей выражается в традиции создания «обо», наличии скальных захоронений и нанесении на скалы сцен культового характера. Важный статус гор подчеркивается распространенной традицией скальных захоронений, известной по материалам Тепсейского микрорайона. В диссертации охарактеризовано новое захоронение, открытое при участии автора диссертации непосредственно под скалой с наскальным изображением в пункте Волчий лог (Тепсей II). Также был зафиксирован факт выбивки неопределенного знака на одном из камней конструкции, в которой были обнаружены фрагменты скелета. Представления о «священных скалах», «священных местах», известные на Суханихе, Оглахты, Шалаболино и на других памятниках Минусинской котловины, дополнены новыми материалами, представляющими скопления разнотипных тамг, выявленных на отдельном участке Забочинской скалы (Усть-Туба III) и на плите из конструкции тагарского кургана под горой Тепсей.

Апробация. Основные результаты исследования отражены в 16 научных статьях, включая 5 статей в рецензируемых журналах из перечня ВАК. Материалы докладывались и обсуждались на 11 научных и научно-практических конференциях различного уровня.

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, четырех глав, разделенных на параграфы, заключения, списка использованных источников и литературы, иллюстративного Приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обоснованы актуальность, новизна, сформулированы цель, задачи, объект и предмет исследования, представлена степень изученности проблемы, выделены территориальные и хронологические

рамки, охарактеризованы применяемые в исследовании методы, изложены положения, выносимые на защиту.

Глава 1. Краткая история изучения наскальных изображений Нового времени

Первые сведения о «поздних» («народных») наскальных изображениях Минусинской котловины относятся к XVII в. и связаны с письменными источниками, в которых фиксируется использование хакасами личных знаков (тамг) вместо подписи. Эти знаки, представлявшие собой изображения предметов, животных или геометрические символы, широко применялись в хозяйственной практике и отражали высокий уровень графической культуры местного населения.

В XVIII в. сведения о рисунках местного населения появляются в материалах академических экспедиций, однако изображения не соотносились с коренными народами и, как правило, удревнялись. В первой половине XIX в. «поздние» рисунки упоминаются в трудах путешественников, этнографов и представителей администрации (А. П. Степанов, М. А. Кастрен, Д. А. Клеменц, И. Т. Савенков и др.), которые фиксировали изображения на курганных камнях и скалах, связывая их с погребальной и ритуальной практикой. Уже в этот период отмечались отличия между древними и более поздними рисунками по сюжетам, технике и степени сохранности.

Фиксация петроглифов Нового времени начинается в начале XX в. благодаря деятельности А. В. Адрианова, который применил методы фотографирования и изготовления эстампажей, зафиксировав как древние, так и современные ему изображения. Исследователь отмечал наличие «новых» сюжетов бытового характера и подчеркивал трудности разграничения древних и поздних рисунков из-за подражания традиционным образцам.

В 1920–1950-е гг. работы по копированию и описанию наскальных изображений проводились сотрудниками музеев и археологами (Э. Р. Рыгдылон, Р. В. Николаев и др.), однако рисунки Нового времени рассматривались эпизодически и не выделялись в самостоятельный объект исследования.

Качественно новый этап изучения связан с 1960–1970-ми гг. и масштабными спасательными работами в зоне строительства Красноярского водохранилища. Каменский отряд Красноярской археологической экспедиции ЛОИА АН СССР под руководством Я. А. Шера осуществил документирование писаниц Среднего Енисея, разработал и усовершенствовал методику копирования петроглифов. Хотя «поздние» изображения специально не анализировались, их включение в общий корпус источников стало важным достижением.

Решающую роль в выделении и атрибуции наскальных изображений Нового времени сыграли исследования Л. Р. Кызласова и Н. В. Леонтьева, а также материалы Хакасской археологической экспедиции МГУ (1950–1970-е гг.). В результате была опубликована монография «Народные рисунки хакасов» [1980], в которой впервые систематически рассмотрены хакасские наскальные изображения XVII – начала XX в., предложены принципы их датирования, классификации и интерпретации некоторых сюжетов.

В последующие десятилетия исследования продолжались в рамках международных проектов (российско-французская экспедиция), а также работ музейных и вузовских коллективов. Были опубликованы новые материалы, выявлены этнографические сюжеты, связанные с шаманизмом, бытом, женским костюмом, тамгами. Существенный вклад внесли исследования Ю. Н. Есина, А. Л. Заики, Е. А. Миклашевич, О. С. Советовой и др.

Таким образом, изучение «поздних» наскальных изображений Минусинской котловины прошло путь от случайных упоминаний и

описаний к осознанию их самостоятельной историко-культурной ценности. Вместе с тем, несмотря на накопленный фактический материал, рисунки Нового времени долгое время оставались второстепенными по отношению к древним петроглифам, рассматривались фрагментарно и не охватывали всего массива памятников региона. Это обуславливает необходимость комплексного анализа, расширения источниковой базы и уточнения культурно-хронологической интерпретации данного пласта наскального искусства, что и составляет одну из задач настоящего исследования.

Глава 2. Проблема атрибуции «этнографических» рисунков

Во второй главе рассматривается проблема атрибуции наскальных изображений Нового времени на территории Минусинской котловины. Показано, что выделение данного пласта осложнено сходством «этнографических» рисунков с изображениями более ранних эпох, сохранением традиционных изобразительных приемов, а также подражательным характером значительной части фигур. Обосновано, что применение исключительно технических методов, включая трасологию, не всегда позволяет однозначно датировать изображения, в связи с чем необходим комплексный подход к атрибуции таких изображений.

2.1. Техника нанесения рисунков на каменные поверхности

В разделе 2.1 проанализированы технические особенности нанесения рисунков (пикетаж различной степени интенсивности, гравировка, сочетание техник, характер выбоин и «загара» поверхности). Высказано мнение, что техника исполнения не является самостоятельным датирующим признаком, поскольку сходные приемы использовались на протяжении длительного времени. Вместе с тем выявлены характерные особенности изображений Нового времени: применение мелкой выбивки, небрежность исполнения значительной части фигур, использование

металлических орудий и относительная «белесость» изображений, позволяющая говорить о более позднем времени их нанесения.

2.2. Стилистические особенности петроглифов Нового времени

В разделе 2.2. рассмотрены стилистические признаки петроглифов Нового времени, которые позволили датировать часть изображений.

В разделах 2.2.1 и 2.2.2 выделены основные стилистические группы антропоморфных и зооморфных изображений Нового времени. Для антропоморфных фигур определены два ведущих стилистических типа – «линейный» и «объемный», имеющие прямые аналогии в этнографических материалах. Выявлены устойчивые приемы изображения коней, сбруи, орнамента и жертвенных животных («изыхов»).

2.3. Основной набор сюжетов и образов

В разделе 2.3. проанализирован основной набор характерных сюжетов и образов «народных» рисунков. Установлено, что они отражают ключевые аспекты духовной и бытовой составляющих жизни местного населения: шаманские ритуалы, сцены камлания и танца, «семейные» композиции, пастушеские и охотничьи сцены, изображения всадников, домашних животных, знаков, тамг, элементов материальной культуры. Подчеркнута тесная связь сюжетного репертуара наскального искусства с этнографическими данными конца XIX – начала XX вв.

2.4. Проблема «подражания» древним рисунками. «Соавторство»

В разделе 2.4. рассмотрены проблемы «подражания» древним изображениям и своеобразного «соавторства». Еще в работах А. В. Адрианова и других исследователей встречается информация об «упражнениях» местных мальчиков-пастухов, выбивающих на досуге на каменных плитках рисунки, подражая тем древним образам, которые встречались им на скалах. Традиция копирования и переосмысления древних рисунков была характерна как для ранних эпох, так и для Нового времени. С другой стороны, новые «художники» относились к древним сценам без какого-либо пиетета и совершенно очевидно, что часть

изображений представляет собой осознанное включение новых персонажей в древние композиции с целью перемещения акцентов с одних образов на другие и, в целом, создание новых композиций совсем с другим смыслом.

Таким образом, в главе определено, что атрибуция наскальных рисунков Нового времени возможна только при использовании всего арсенала данных – наблюдений за техникой нанесения рисунков, стилистическими особенностями, набором излюбленных образов и сюжетных сцен и т. д. А сами «этнографические» петроглифы следует рассматривать как самостоятельный и оригинальный пласт наскального искусства Минусинской котловины.

Глава 3. Культ гор у коренного населения Минусинской котловины. Скальные захоронения

В третьей главе рассматривается культ гор как один из ключевых компонентов религиозно-обрядовой системы коренного населения Минусинской котловины, а также связанные с ним формы сакрализации пространства, включая традицию скальных захоронений. Анализ основан на письменных источниках XIX–XX вв., этнографических материалах и археологических данных, в том числе новых, полученных в ходе полевых исследований.

3.1. Культ гор

В разделе 3.1. определяются основные составляющие культа гор, имеющего древние истоки и широко распространенного у тюркских народов Сибири. Горы воспринимались как сакральные объекты, населенные духами-хозяевами, обладавшими антропоморфными чертами и собственной иерархией. Почитание гор проявлялось в системе запретов, жертвоприношений и регулярных ритуалов, приуроченных к определенным сезонам и хозяйственным циклам. Особое значение имели

родовые горы, с которыми связывались представления о благополучии, защите скота и продолжении рода.

Установлено, что культ гор находил помимо прочего выражение в возведении каменных сооружений типа «обо», размещавшихся на вершинах и перевалах, а также в нанесении изображений на скальные поверхности. Высказано предположение, что изображения украшенных коней, тамг, «хороводов» и некоторых других сцен с антропоморфными персонажами отражают элемент коллективных молений и сезонных праздников, в том числе Тун-пайрам. Особое внимание уделено взаимосвязи этнографических представлений и наскальных изображений, что позволяет рассматривать последние как важный источник по изучению культовой практики Нового времени.

Отмечено, что культ гор трансформировался на протяжении времени, сочетая элементы почитания природных духов и культа предков.

3.2. Скальные захоронения в Тепсейском археологическом микрорайоне

В разделе 3.2. рассмотрены скальные захоронения как особая форма погребальной практики, связанная с сакральным статусом гор. Скальные захоронения возле скал с рисунками известны в Минусинской котловине (Шалаболинская писаница), а в Тепсейском археологическом микрорайоне зафиксировано всего 2 захоронения, в Тепсейской пещере и у скал у деревни Листвягово. В научный оборот вводится еще одно новое захоронение, обнаруженное в 2020 г. в Волчьем логу горы Тепсей у подножия скалы с петроглифами. Антропологическое определение показало, что здесь захоронена женщина зрелого возраста. Погребение было устроено в небольшом «ящике», в который уместилась, вероятно, только голова и некоторые фрагменты ее тела. На одном из камней конструкции был зафиксирован небольшой выбитый неопределенный знак, который еще требует своей атрибуции. Подобные захоронения известны с эпохи Средневековья и существовали, вероятно, вплоть до

начала XX в. Установлено, что скальные погребения фиксируются как для взрослых, так и для детей, включая младенцев, и часто интерпретируются как ритуальные или «особые» захоронения, связанные со специфическим социальным статусом, возрастом или обстоятельствами смерти.

Традиция скальных захоронений имеет широкие параллели в Южной Сибири, Алтае и Монголии и рассматривается исследователями как устойчивая культурная практика, реализуемая в сакральном пространстве гор. Выдвинуто предположение, что размещение погребений рядом с писаницами и священными объектами отражает представления о горах как о месте соприкосновения мира людей и мира предков.

В целом в главе констатируется, что культ гор в Минусинской котловине представляет собой сложную и многокомпонентную систему, включающую ритуальные практики, традиции родовых общин, элементы шаманизма и особые формы погребального обряда. Скальные захоронения рассматриваются как важный археологический и этнографический источник, дополняющий представления о сакрализации горного ландшафта и мировоззрении коренного населения региона.

Глава 4. Вопросы семантической интерпретации сюжетов и образов Нового времени

Четвертая глава посвящена вопросам интерпретации образов и сюжетов в наскальном искусстве Минусинской котловины в Новое время. Основное внимание уделено интерпретации бытовых и ритуальных сцен, а также выявлению их связи с традиционным хозяйством, социальной структурой и религиозными представлениями коренного населения региона.

4.1. Бытовые сюжеты и образы

В разделе 4.1. рассмотрены бытовые сюжеты и образы, отражающие повседневную жизнь хакасского населения в XVII – начале XX в. Установлено, что в наскальном искусстве Нового времени широко

представлены сцены охоты, перекочевок, пастушеской деятельности, транспортировки грузов, а также изображения домашних и диких животных. Особое место занимает образ лошади, количественно доминирующий среди всех изображений и отражающий ее ключевую роль в хозяйстве, социальной и ритуальной сферах.

Отмечается, что сцены охоты, несмотря на их распространенность на территории всей Минусинской котловины, отображают преимущественно жизнь подтаежных улусов, в то время как большая часть населения Минусинской котловины занималась преимущественно скотоводством, охота имела эпизодический характер. Анализ изображений лыжников, охотничьих сцен и используемого вооружения позволяет соотнести их с этнографическими данными о сезонной охоте, способах передвижения и традиционном промысле. Изображения собак интерпретируются как отражение их многофункциональной роли – охотничьей, пастушеской, охранной и мифологической; подчеркнута их связь с шаманскими практиками и представлениями о духах-помощниках.

Отдельно рассмотрены изображения верблюдов, которые интерпретируются как отражение хозяйственной практики использования этих животных в качестве тягловой силы при перекочевках и перевозке грузов. Несмотря на наличие верблюдов в хозяйстве хакасов, они не занимали значимого места в ритуальной сфере, что подтверждается отсутствием их изображений и в шаманской атрибутике. Сцены с колесным транспортом и повозками демонстрируют эволюцию средств передвижения, связанной с проникновением русских хозяйственно-бытовых традиций, особенно во второй половине XIX в., что коррелирует с процессами их оседания и развития земледелия.

Особое внимание уделено тамгам как одному из наиболее массовых и значимых элементов наскального искусства Нового времени. Важность тамг как знаков, выполняющих правовые, социальные и сакральные функции подтверждается и их разнообразием. Проанализированы

основные типы тамг, включающие двудужные, четырехдужные, М-образные, крестовидные, буквенные и иные знаки, распространенные на памятниках Минусинской котловины, и прежде всего в Тепсейском микрорайоне. Показана их связь с енисейскими кыргызами, последующая трансформация в хакасской среде и длительное бытование вплоть до начала XX в. Выявлено, что концентрация тамг на сакральных участках гор и на курганных камнях отражает традицию коллективных молений и родовых ритуалов, а также представления о горах как о священном месте.

4.2. Ритуальные сцены

Раздел 4.2. посвящен анализу ритуальных сцен в наскальном искусстве Нового времени Минусинской котловины. Особое место среди них занимают изображения антропоморфных персонажей с шаманскими атрибутами, интерпретируемыми как сцены культовой практики.

4.2.1. Антропоморфные персонажи с шаманскими атрибутами

Показано, что образы шаманов представлены как в одиночных, так и в многофигурных композициях и характеризуются устойчивым набором иконографических признаков: наличием бубна и колотушки, жезлов, особой одежды с лентами и подвесками, головных уборов с птичьими элементами, когтями на ногах, а также динамичными позами, передающими экстатическое состояние или ритуальный танец. В ряде случаев фигуры шаманов соседствуют с тамгами, что может свидетельствовать об их связи с определенными родами и сакральными функциями этих знаков.

Предшественниками установлено, что изображения шаманов в Минусинской котловине появляются уже в тесинское время и получают широкое распространение в XVII – начале XX вв. Отмечена преемственность образов и атрибутов, что подтверждается сопоставлением наскальных изображений с этнографическими материалами и с изображениями на шаманских бубнах.

Особое внимание уделено символике бубна как ключевого элемента шаманского культа. Показано, что деление бубна на секторы, наличие орнаментов, изображений деревьев и подвесок отражают шаманскую модель мира и представления о перемещении между верхним, средним и нижним мирами.

В целом анализ ритуальных сцен с шаманами позволяет рассматривать наскальное искусство Нового времени как важный источник по реконструкции религиозных представлений, культовых практик и механизмов культурной преемственности населения Минусинской котловины.

4.2.2. Сцены с конями. Антропоморфный персонаж, стоящий/сидящий на животном

В разделе 4.2.2. анализируются сцены с всадником – антропоморфным персонажем, стоящим или сидящим на спине животного, прежде всего коня, широко представленные в наскальном искусстве Минусинской котловины Нового времени. Установлено, что данный сюжет имеет глубокие корни и известен на территории Центральной Азии и Южной Сибири как минимум с эпохи бронзы, сохраняясь и трансформируясь вплоть до XVII – начала XX в.

Показано, что в древних композициях персонаж на спине животного (кошачьего хищника, быка), как правило, мог воплощать образ божества или мифологического существа. В Новое время семантика сюжета меняется: доминирующим становится образ человека и коня, что отражает ключевую роль коня в хозяйственной, военной и ритуальной жизни населения региона. Особую группу составляют изображения персонажей, сидящих на коне в необычной позе «на корточках», которые интерпретируются как образы изыхов – посвященных божествам коней, широко известных по этнографическим и фольклорным источникам.

Установлено, что образ всадника в наскальном искусстве Нового времени является многозначным и может трактоваться как культовый,

эпический или бытовой. В ряде случаев он соотносится с шаманскими представлениями и мифологией, в других – с реальными практиками, включая конные состязания и демонстрацию навыков верховой езды. Подчеркнута тесная связь образов всадника и коня, что соответствует представлениям об их символическом единстве, характерном для традиционной культуры хакасов.

Отдельное внимание уделено разнообразным изображениям коней, являющимся наиболее массовой категорией петроглифов Нового времени. Разнообразие форм, пропорций и деталей (хвосты, гривы, элементы упряжи) отражает как реальные особенности местных пород, так и их социальную и ритуальную значимость. Выявлены изображения одиночных коней, табунов, а также сцены, в которых отображены животные с обозначенными элементами конской упряжи, что соотносится с этнографическими данными о табунном коневодстве и хозяйственной специализации региона.

Особое значение имеет многофигурная повествовательная композиция из Широкого лога горы Тепсей, интерпретируемая как эпический сюжет борьбы героя-всадника с демоническими персонажами. Наличие развернутого «двухкадрового» повествования, сложного набора персонажей и символических деталей свидетельствует о высокой степени мифологизации образа всадника и, вероятно, о сакральном статусе данного местонахождения.

В целом показано, что сцены с конями являются наиболее устойчивым и востребованным сюжетом наскального искусства Нового времени в Минусинской котловине. Их длительное бытование и широкая география отражают глубинную укорененность образа коня в мировоззренческих представлениях населения региона. Семантика композиций варьирует от сакрально-мифологической в ранних образцах до эпико-бытовой и ритуальной в более позднее время, что позволяет

рассматривать данные изображения как важный источник по изучению культурной преемственности и трансформации традиций.

В **заключении** сформулированы следующие выводы:

На основе полевых материалов, полученных Тепсейским отрядом кафедры археологии Кемеровского государственного университета в ходе работ с 2012 по 2025 гг., архивных данных и музейных коллекций, а также опубликованных источников, в диссертационном исследовании был обобщен и проанализирован корпус наскальных изображений Нового времени, выявленных на памятниках Минусинской котловины. Базовую совокупность источников настоящего исследования составили петроглифы 17-ти местонахождений Тепсея и Усть-Тубы (по индексации Я.А. Шера) – Тепсей I–VI, Усть-Туба I–VII, местонахождения в Широком, Забочинском логах и на горе Челпан, а также рисунки с камней тагарских курганов, расположенных у горы Тепсей и в Малиновом логу. Помимо этого, привлекались материалы соседних памятников, которые Д. Г. Савинов включил в так называемый «Тепсейский *петроглифический* микрорайон». В него вошли памятники наскального искусства, расположенные в междуречье Енисея и Тубы: Оглахты, Куня, Суханиха, Мосеиха, Тепсей, и более широкого ареала – памятники наскального искусства Минусинской котловины (Шалаболинская, Туранская, Комарковские, Малая и Большая Боярские писаницы и др.). Петроглифы Нового времени изучены в диссертационной работе как особый археологический объект, который визуализировал определенные аспекты быта и мировоззрения населения, создававшего рисунки на каменных поверхностях.

1. «Этнографические» или «народные» рисунки – это отдельный, самостоятельный вид изобразительной деятельности и важный источник по истории местного населения Минусинской котловины XVII – начала XX в. Всесторонний анализ полученной базы данных показал, что рисунки Нового времени следует оценивать как финальный этап изобразительной традиции, существовавшей в Минусинской котловине на протяжении

нескольких тысячелетий, по меньшей мере с IV тыс. до н. э. до начала XX в. В отличие от предшествующих эпох, когда мифологическое искусство было привилегией отдельного круга людей, этот вид искусства превратился в «народный». Петроглифы долгое время оставались важным инструментом передачи значимых событий и явлений в жизни местного населения.

2. Нередко исследователи не уделяют должного внимания «этнографическим» рисункам. Со времени выхода в свет книги Л. Р. Кызласова и Н. В. Леонтьева «Народные рисунки хакасов» [1980] прошло без малого полвека, но обобщающих новый материал работ практически не выходило. В настоящем исследовании собраны и проанализированы как «ординарные» рисунки, так и самобытные, нередко запечатленные в многофигурных композициях, эстетически выразительные, а главное, информационно содержательные.

3. Для атрибуции петроглифов Нового времени были определены «универсальные» признаки, выделяющие эти рисунки из общей массы разновременных изображений. Стилистический анализ позволил выявить по меньшей мере четыре самостоятельные группы изображений, которые создавались скорее всего в одно и то же время, а их разнообразие может объясняться мастерством исполнителей.

4. Одной из проблем атрибуции рисунков Нового времени является вопрос о «соавторстве» и «подражании» более древним изображениям. Эти явления – неотъемлемые черты наскального искусства Нового времени Минусинской котловины. Поздние изображения отражают не механическое копирование древних образцов, а их осознанное переосмысление и включение в новые смысловые контексты.

5. Сюжетная составляющая рисунков Нового времени демонстрирует два основных направления: сюжеты бытового характера и сюжеты, связанные с ритуальными действиями. Преобладание в наскальном творчестве Нового времени определенных образов, связанных с бытом

местного населения и впечатлениями от тех изменений, которые происходили во времени и пространстве (церковь, пароход, самовар, выкройки традиционной одежды, и т. д.), не отображают сакральную сферу жизни местного населения. Рисунки с шаманами, нереальными образами и эпическими сценами наносились, как правило, в труднодоступных местах, возле которых нередко имелись площадки. В таких изображениях проявилось мастерство местных «художников»: шаманы показаны в своеобразных (возможно, экстатических) позах, в характерных одеждах; в отдельных сценах запечатлены таинственные образы собакоголовых персонажей; встречаются непонятные образы с лучами или «нимбом» над головой; всадник, стоящий на спине коня, и т. д. Все это свидетельствует о своеобразии и развитии народного искусства, в котором наскальное творчество занимает прочное место.

6. В исследовании были охарактеризованы и проанализированы многие сцены наскального искусства Нового времени, ранее не введенные в научный оборот. Новыми композициями дополнены сцены с конем – доминирующим персонажем этнографических петроглифов – помимо сюжетов охоты, перекочевок и перевозки тяжестей с его участием, выявлены сцены, связанные с работой пастуха-всадника, сопровождаемого собакой; проанализирована выразительная «многокадровая» сцена с героем, верхом на коне преодолевающим преграды, чинимые «отрицательными» персонажами – возможно, это герой эпических сказаний; пополнена находками новых изображений серия всадников, стоящих на спинах коней – либо духов, либо участников народных игр, связанных с основами джигитовки. В то же время, в наскальных сценах нашли отражение и такие явления жизни, как проявление личных привязанностей (взявшиеся за руки мужчина и женщина), семьи (беременные женщины, пары с детьми); персонажи в национальной одежде, «выкройки», орнаменты и т. п.

7. Взаимосвязь наскальных рисунков с традиционными верованиями и обрядами особенно проявляется в культе гор, который был широко распространен у местного населения. Особенный статус горы Тепсей выражается в традиции создания «обо», наличии скальных захоронений и нанесении на скалы сцен культового характера. В диссертации не только обобщены известные материалы, но и охарактеризовано новое захоронение, открытое при участии диссертанта в пункте Волчий лог (Тепсей II) непосредственно у скальной поверхности с наскальным изображением. Новым является и зафиксированный факт выбивки неопределенного знака на одном из камней конструкции, в которой обнаружены фрагменты скелета.

Таким образом, цель и задачи исследования были достигнуты, но следует отметить, что на этом тема, связанная с рисунками Нового времени, полностью не исчерпана. В перспективе необходимо создать обобщающую работу о наскальном искусстве Нового времени на территории Центральной и Средней Азии. Даже в результате сравнительного анализа материалов одного из локальных местонахождений Минусинской котловины очевидно, что многие темы являются общими для «народного» наскального искусства населения Южной Сибири, казахов, монголов и некоторых других народов. В исследовании было установлено, что к общим темам для этнографических рисунков, запечатленных на памятниках наскального искусства Южной Сибири, включая Алтай и Туву, относятся изображения национальной одежды, в особенности женской, женских причесок и головных уборов; сцены охоты с луками, с ружьями на сошках, а также изображения коня и всадника. Рисунки Нового времени более отдаленных территорий, таких как Казахстан и Западная Монголия, довольно близки к южносибирским. Например, среди петроглифов Казахстана, как и на памятниках Минусинской котловины, встречаются изображения шаманов, тамг, построек, предметы эпохи наподобие самоваров, сумок, кораблей и т. д.

Изучение обширной группы поздних наскальных изображений Южной Сибири, в совокупности с народными рисунками с других территорий, даст возможность получить целостное представление о наскальном искусстве Нового времени всего Евразийского региона.

ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Основные положения диссертации отражены в 16 публикациях общим объемом 13,1 п. л. (авторский вклад 6,1 п. л.).

Публикации в периодических изданиях из Перечня ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

1. Советова, О. С. Новое скальное захоронение на Тепсее / О. С. Советова, **И. В. Сирюкин** // Народы и религии Евразии. – 2023. – Т 28, №3. – С. 82–98. (1,7 п. л., в т. ч. автора 0,85 п. л.)

2. Советова, О. С. Исследования петроглифов Усть-Тубы в 2021-2022 гг / О. С. Советова, О. О. Шишкина, И. В. Аболонкова, **И. В. Сирюкин** // Краткие сообщения Института археологии. – 2023. – № 273. – С. 180–193. (1,3 п. л. в т. ч. автора 0,4 п. л.)

3. Заика, А. Л. Шаманские атрибуты у антропоморфных персонажей в наскальном искусстве Среднего Енисея / А. Л. Заика, **И. В. Сирюкин** // СибСкрипт. – 2024. – 26(6). – С. 874–888. (1,5 п. л. в т. ч. автора 0,75 п. л.)

4. Советова, О. С. Неизученные страницы истории и культуры населения Минусинской котловины в новое время (по материалам наскального искусства) / О.С. Советова, О. О. Шишкина, **И. В. Сирюкин**, А. Н. Мухарева // Теория и практика археологических исследований. – 2025. – Т. 36, № 4. – С. 107–130. (2,4 п. л. в т. ч. автора 0,6 п. л.)

5. Шишкина, О. О. «Поздние» изображения на курганных камнях тагарского могильника у горы Тепсей / О. О. Шишкина, О. С. Советова,

И. В. Сирюкин // Народы и религии Евразии. – 2025. – Т. 30, №1. – С. 29–46. (1,8 п. л. в т. ч. автора 0,6 п. л.)

Работы, опубликованные в других научных изданиях

6. Шишкина, О. О. Новые петроглифы Тепсейского археологического комплекса (по итогам экспедиции 2017 года) / О. О. Шишкина, **И. В. Сирюкин** // Древние и традиционные культуры Сибири и Дальнего Востока: проблемы, гипотезы, факты: материалы LVIII Российской (с междунар. участием) археол.-этногр. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых (Омск, 25–27 апреля 2018 г.). – Омск, 2018. – С. 224–225. (0,2 п. л., в т. ч. автора 0,1 п. л.)

7. Сирюкин, И. В. Этнографические изображения на скалах Тепсея / И. В. Сирюкин // Материалы LIX Российской археол.-этногр. конф. студентов и молодых ученых. Благовещенск – Хэйхэ, 08–12 апреля 2019 года. – Благовещенск; Хэйхэ: Изд-во БГПУ, 2019. – С. 246–249. (0,4 п. л.)

8. Сирюкин, И. В. Общее и особенное в этнографических рисунках на памятниках искусства Минусинской котловины и Казахстана / И. В. Сирюкин // Материалы LX Российской археол.-этногр. конф. студентов и молодых ученых с междунар. участием. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2020. – С. 247–249. (0,3 п. л.)

9. Сирюкин, И. В. Сцены с антропоморфными персонажами в этнографическом пласте рисунков Минусинской котловины / И. В. Сирюкин // Актуальные вопросы истории, международных отношений, политических наук и туризма: материалы симпозиума в рамках XVI (XLVIII) Междунар. науч.-практ. конф. «Образование, наука, инновации: вклад молодых исследователей», приуроченной к 300-летию Кузбасса. – Кемерово: КемГУ, 2021. – Вып. 22. – С. 144–148. (0,5 п. л.)

10. Сирюкин, И. В. Петроглифы как один из компонентов «культа гор» у коренного населения Минусинской котловины / И. В. Сирюкин // Материалы LXII Российской археол.-этногр. конф. студентов и молодых

ученых (Кызыл, 22–24 сентября 2022 г.). – Красноярск: СФУ, 2022. – С. 197–200. (0,4 п. л.)

11. Шишкина, О. О. Наскальное искусство Нового времени на горе Тепсей / О. О. Шишкина, **И. В. Сирюкин** // Археологические культуры Сибири в контексте кросс-культурных контактов в Евразии: к 300-летию первых научных археологических раскопок в Сибири (1722 г.): материалы Междунар. археол. конф. молодых исследователей (Новосибирск, 21–25 ноября 2022 г.). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2022. – С. 234–241. (0,8 п. л., в т. ч. автора 0,4 п. л.)

12. Сирюкин, И. В. Петроглифы Нового времени в наскальном искусстве Минусинской котловины: возможности атрибуции / И. В. Сирюкин // Актуальные вопросы истории, археологии, философии, международных отношений и туризма: материалы симпозиума XVII (XLIX) Междунар. науч.-практ. конф. «Образование, наука, инновации: вклад молодых исследователей». – Кемерово: КемГУ, 2023. – Вып. 24. – С. 94–97. (0,4 п. л.)

13. Советова, О. С. Исследования Тепсейского археологического микрорайона в 2022–2023 гг. (предварительные результаты) / О. С. Советова, О. О. Шишкина, Н. Н. Моор, **И. В. Сирюкин** // X Международный Сибирский исторический форум «Сибирь и Россия: история и культура». – М.: Изд-во «Перо», 2023. – С. 95–98. (0,4 п. л., в т. ч. автора 0,1 п. л.)

14. Сирюкин, И. В. Познание хакасского этноса через наскальное искусство Минусинской котловины / И. В. Сирюкин // Материалы XII Инновационного конвента. – Кемерово, 2024 – С. 535–538. (0,3 п. л.)

15. Сирюкин, И. В. Культ гор в наскальном искусстве Нового времени Минусинской котловины / И. В. Сирюкин // Материалы междунар. науч. конф. молодых ученых. Санкт-Петербург, 1–4 апреля 2024 г. – СПб.: ИИМК РАН, 2024. – С. 365–368. (0,3 п. л.)

16. Сирюкин, И. В. Этнографические рисунки горы Тепсей / И. В. Сирюкин // Сб. материалов Межрегиональной науч.-практ. конф. «XII Кызласовские чтения». – Абакан: Хак. кн. изд-во им. В. М. Торосова, 2025. – С. 254–258. (0,4 п. л.)